

Секция «Психология»

Иклюзивное образование сегодня

Силантьева Татьяна Андреевна

Аспирант

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет
психологии, Электрогорск, Россия
E-mail: tanyasilantieva@yandex.ru*

Социальная адаптация личности понимается как совокупность особых системообразующих свойств, которые позволяют индивиду выстраивать свою жизнь, придавая ей ценность, направленность и целостность. На задачи индивидуального развития оказывают влияние задачи развития человека и человечества как вида в его биосоциокультурных качествах. Важно отметить, что человеку свойственны высшие эмоции, возникающие в результате действия психологических образований и которые часто выступают регулятором адаптации и психофизиологического благополучия с окружающей средой.

Неслучайно человек чувствует себя здоровым и жизнедеятельным, находясь в равновесии между собственным адаптационным потенциалом и меняющимися условиями среды. Именно состояние психосоматического здоровья, успешной деятельности индивида, отражается на гармоничном функционировании адаптационных систем организма и психики. С позиции современной медицины заболевание рассматривается как адаптационный процесс (дезадаптация), который проявляется в единстве физиологического, психического и поведенческого компонентов. Сама же болезнь – это срыв и нарушение адаптации. Важной характеристикой в феномене адаптации является понятие адаптивного потенциала, который определяется как степень возможности субъекта в отношении всевозможных видов адаптаций, имеющихся у адаптанта в потенциальном виде.

В этом смысле интересно рассмотреть актуальный в современном обществе вопрос роли лиц с ОВЗ в социогенезе. Если ранее лица ОВЗ считались пожизненными иждивенцами, то не так давно эта группа людей стала признаваться потенциально полноценной в социально-экономическом плане. Могут ли они как особая группа со своими специфическими качествами быть полезны развитию общества?

Изначально социально и биологически незащищенные группы граждан – старики и дети – рассматривались как резерв общества, которому обеспечивалась защита и поддержка со стороны полноценных членов общества. Дети – как будущие взрослые, старики как хранители традиций и общественной памяти и как дополнительные помощники (не во всех сообществах). В настоящее время к ним добавились еще две группы социально незащищенных людей – с хроническими или потенциально излечимыми заболеваниями. Можно ли их также рассматривать как социальный резерв общества? Да, можно. Скажем, существует соревнование государств в достижениях медицины, кто первым создаст лекарство от неизлечимых болезней. В этом смысле наиболее слабые служат причиной для развития и достижений множества наук – физиологии, биологии, медицины, психологии, фармакологии, политических наук. Кроме того, адаптировавшиеся и излечившиеся они, возможно, служат ресурсом развития человеческого генофонда и поведенческих моделей во время экологических, экономических и социальных катастроф.

Пример. Рон, скорректировавший себя дислектик, потерпел неудачу в школе, его даже называли отсталым. Но он преуспел в технических курсах и стал авиакосмическим инженером и скульптором. В возрасте 38 лет он обнаружил, что его дислексия усиливается, когда он лепит. В конце концов, это открытие привело его к осознанию того, что это дар, который позволил бы ему видеть многомерно, если бы он мог научиться его использовать. На этой основе он научился прочитывать целую книгу всего за несколько часов и разработал перцептивный передаваемый способ управления дислексией. (Ronald Davis. The gift of dyslexia. Burlingame, CA: Ability Workshop Press, 1994).

Плюс ко всему, не раз исследователи замечали, что люди, вынужденные день ото дня бороться с чем-то внутри себя, будь то заикание или ДППЦ, отличаются от остальных спецификой саморегуляции. Необходимость постоянного контроля над своими действиями или речью, по-видимому, выводит саморегуляцию на сознательный уровень. Именно к сознательному уровню обращены процедуры аутогенной тренировки, к которым обычный человек обращается лишь иногда. Такие отличия наталкивают на мысли о том, что те люди с ОВЗ, кто справился с собой, сумел ответить на жизненный вызов, имеют более богатый опыт преодоления трудных ситуаций, а значит, в этом процессе они приобретают мудрость, терпение, выдержку.

И, наконец, отношения и взаимодействие с лицами, имеющими физические особенности разной степени, позволяет развивать находящимся с ними рядом свои высшие моральные, эмоциональные и интеллектуальные качества, что также является вкладом в совершенствование общества.

В нормальном варианте у ребенка есть еще и своя программа развития, которую он может реализовывать вопреки или благодаря социуму, в т.ч. программировать социум согласно своим задачам.

В случае ОВЗ возможности для проявления своей программы заблокированы, человек попадает «в никуда», поскольку он не может развиваться нормальным путем и иному пути его тоже никто не учит. Его нужно обучить специальным навыкам существования в социуме. Адаптация человека с ОВЗ в его случае возможна при участии:

- 1) адаптированных людей с ОВЗ, нашедших свое место в жизни, которые могут обучить стратегиям поведения;
- 2) специалистов – психологов, тьюторов, тренеров по лечебной физкультуре, социальных педагогов;
- 3) родителей, которые получают специальные знания по воспитанию и лечению ребенка.

То есть людям с ОВЗ необходима специальная программа адаптации, которую он может получить только от специалистов. Оказывающие помощь могут придерживаться двух стратегий ее оказания:

- 1) инвалидизирующей, когда не предполагается движение к и достижение автономии лица с ОВЗ;
- 2) стратегии передачи навыков саморегуляции в направлении достижения личностной автономии и компетентности.

Поскольку значительную часть социального окружения людей с ОВЗ составляют специалисты помогающих профессий, то наиболее вероятный путь его профессионального развития будет заключаться в том, чтобы также стать специалистом помогающей

профессии. Таким образом, программа получения помощи для них *трансформируется в задачу предоставления помощи.*

Одна из **проблем на пути к обучению в образовательной системе** заключается в объектном отношении к ученикам, которые воспринимаются как пустой сосуд для знаний. Кроме того, учебные заведения предполагают поточность при отсутствии индивидуального подхода. Даже если сосуд оказывается наполненным, выпущенные на свободу специалисты не могут приложить то, что они получили в теории к практике. Альтернативой формальному обучению является обучение на основе собственной инициативы учеников. «Вызовом для любого преподавателя является определение индивидуального видения, мотивирующего и направляющего учеников, и помощь в создании связи между этим видением и необходимой учебой. Единственный способ осознать это, когда эти фундаментальные моменты учебы – «ага» моменты – освещают лицо ученика. Доналд Арнстайн называет это «эстетикой» учения (Donald Arnstaine, *Democracy and the Arts of Scholooling*. Albany, NY: New York Press, 1996). <> Эстетика учебы, может быть, единственный путь для людей противодействовать «театру абсурда» природы школы, которая продолжает изолировать, отчуждать и отрывать учеников и учителей от удовольствия учебы» (Питер С., Кэмброн-Маккейб Н. Школы, которые учатся: книга ресурсов пятой дисциплины. Просвещение, М. 2010, с.140). Важно помнить, что «Во взрослом мире реально учитывается сила ваших сильных сторон, а не слабость слабых» (веб-сайт Мела Ливайна <http://www.allkindsofminds.org>.)

Роли людей помогающих профессий в трансформации слабости в силу

Существует набор *качеств, которым должны обладать люди помогающих профессий*: ответственность, эмоциональная компетентность, коммуникативная компетентность. . .

Вербальные и невербальные сигналы обратной связи – инвалидизирующие или вдохновляющие.

Люди, оказывающие влияние на развитие ребенка, не всегда осознают, как используемый ими **язык** влияет на то, как они думают, и на то, как другие истолковывают их сообщения. Принцип Хаима Гинотта для эффективной коммуникации между родителем и ребенком или между учителем и учеником – говорить о ситуации, а не о характере или личности, вместо того, чтобы описывать нечто в ученике, описывать результаты наблюдений за учеником, позволить учащемуся стать партнером в определении того, что делать дальше (Haim Ginott, *Between Teacher and Child*. New York: Collier Books, 1995).

Литература

1. Ronald Davis. *The gift of dyslexia*. Burlingame, CA: Ability Workshop Press, 1994
2. Donald Arnstaine, *Democracy and the Arts of Scholooling*. Albany, NY: New York Press, 1996
3. Haim Ginott, *Between Teacher and Child*. New York: Collier Books, 1995
4. Питер С., Кэмброн-Маккейб Н. Школы, которые учатся: книга ресурсов пятой дисциплины. Просвещение, М. 2010, с.140